

18+

Александр Чмырёв

*Приключение бедного
бродяги Джона
в Соединенных
Штатах Америки*

Александр Чмырёв

**Приключение бедного бродяги
Джона в Соединенных
Штатах Америки**

«Издательские решения»

Чмырёв А.

Приключение бедного бродяги Джона в Соединенных Штатах
Америки / А. Чмырёв — «Издательские решения»,

Книга о приключении бедного бродяги Джона в Соединенных Штатах
Америки. История человека, который заключил пари, что сможет прожить
бедным остаток своей жизни

Содержание

Александр Чмырев	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Приключение бедного бродяги Джона в Соединенных Штатах Америки

Александр Чмырёв

© Александр Чмырёв, 2026

ISBN 978-5-0070-1251-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Чмырев

Рассказ

«Приключения бедного бродяги Джона в Соединённых Штатах Америки»

Он не впервые ночевал на лавочке в парке под холодными осенними звёздами. Его дыхание медленно превращалось в пар, а холод подкрадывался незаметно, но настойчиво и бесцеремонно, словно заявляя свои права на улицы и парки, города и страны — да и вообще на всё живое, способное ощущать перемену температуры.

Джон повернулся на другой бок. Лавочка жалобно заскрипела. Потёртая и зловонная куртка в нескольких местах была изорвана; дыры размером с маленькое кофейное блюдце пропускали ледяной ветер, который свободно проникал под одежду, причиняя ему дополнительные мучения.

Впрочем, Джон уже почти привык к своему жалкому существованию. Он перестал замечать и дыры на куртке, и отвратительный запах собственной одежды. Его руки были настолько грязными и чёрными, что казалось — они принадлежат не человеку, живущему в Америке, а какому-нибудь аборигену из далёкой Африки.

От Джона исходил такой тяжёлый запах, что прохожие, даже находясь ярдах в двадцати от него, зажимали носы и ускоряли шаг. Лишь немногие — либо лишённые острого обоняния, либо равнодушные к подобным вещам — могли ненадолго остановиться рядом и перекинуться с ним парой слов.

Ботинки на его ногах и зимой, и летом были одного цвета — грязно-серого. Шнурки разной длины, один из которых был совсем изношен и в нескольких местах связан узлами, придавали обуви ещё более жалкий вид. Но, несмотря на это, Джон очень дорожил своими ботинками. Каждый раз, глядя на них, он вспоминал молодого солдата, подарившего их ему.

Это были хоть и поношенные, но крепкие армейские ботинки, явно предназначенные для долгих походов. Для Джона они стали настоящим сокровищем. Кроме ботинок, солдат подарил ему вещмешок и немного одежды, среди которой была и эта осенняя куртка с дырками, в которые так нагло врвался ветер, оставляя после себя пронизывающий холод. Однако Джон уже успел привыкнуть к подобным ощущениям и переносил их со стоическим спокойствием.

Люди, видевшие Джона в таком виде, обычно думали, что перед ними опустившийся ветеран войны, спившийся и оказавшийся на улице. Но одежда, как и первое впечатление, бывает обманчива.

Джон никогда не был военным. И тот молодой солдат был крайне удивлён, увидев грязного, заросшего человека с огромной бородой и в очках, читающего Уильям Шекспир. Возможно, именно это — а может быть, что-то другое — побудило его сделать подарок Джону. Теперь этого уже никто не узнает.

Джон часто вспоминал того солдата. И вот сейчас, думая о его благородном поступке, он вдруг услышал грубый голос:

— Эй, вставай, вонючий бродяга!

В ту же секунду резкая боль пронзила его рёбра.

— Вставай, чучело! — раздался новый окрик.

Джон не видел лица говорившего, но почти сразу почувствовал новый удар — на этот раз по голове. Тёплая кровь потекла из рассечённой раны.

Наконец он открыл глаза и увидел перед собой ухмыляющееся лицо полицейского, который, зажав нос двумя пальцами, снова замахнулся дубинкой.

Удар пришёлся по плечу и лишь скользнул по нему, не причинив серьёзного вреда. Джону повезло... но надолго ли?

Стараясь сохранить остатки достоинства, он тихо спросил:

— Сэр... за что вы меня бьёте?

— Ты ещё разговаривать умеешь, вонючий скунс?

Свист дубинки рассёк воздух, и новая вспышка боли мгновенно пронзила всё его тело. В тот миг Джон пожалел о своём вопросе.

Конечно, ему хотелось ответить тем же грузному полицейскому с ухмыляющимся лицом. Но у него не было ни дубинки, ни даже простого посоха — верного спутника бродяг и пастухов.

Позже, вспоминая этот случай, Джон вновь и вновь убеждался, насколько слаб человек. Все его пацифистские убеждения рассыпались после нескольких ударов полицейской дубинки. Конечно, впоследствии он продолжал верить, что неппротивление злу насилием — лучший путь для человека. Но такие мысли куда легче приходят в спокойствии, когда тебя никто не избивает и жизнь кажется хотя бы немного терпимой.

— Не бейте меня, пожалуйста, сэр... Я сейчас уйду. Прошу вас, не бейте. Я ничего плохого не сделал...

Но полицейский, похоже, не собирался останавливаться и снова поднял дубинку. К счастью для Джона, в этот момент послышался голос напарника:

— Эй, Том! Не пачкай руки об этого вонючего бродягу. От него несёт, как от тысячи сточных канав! Пойдём отсюда. А он сейчас быстро исчезнет, правда ведь, мистер Вонючка?

Напарник громко расхохотался.

— Да, сэр... Сию минуту. Вы больше меня не увидите...

Джон давно усвоил: с полицией в Соединённых Штатах лучше не спорить.

Он быстро собрал свои немногочисленные пожитки и почти бегом направился в другую часть парка — туда, где не было красивых аллей и удобных лавочек, зато полицейские появлялись значительно реже.

«Может быть, другой патруль окажется милосерднее», — подумал он.

Джон старался не держать зла на полицейских. Он понимал: окажись он на их месте — возможно, поступал бы так же. Ведь он бродяга, человек, от которого порядочные жители города стараются держаться подальше.

Хотя, если честно, Джон до конца не понимал, какие именно беды он причиняет обществу.

«Ну да, от меня плохо пахнет... И вряд ли мой вид радует глаз посетителей парка. К тому же о бродягах ходит дурная слава — как и о цыганах. Многие думают, что мы ворует, способны ограбить человека. Наверное, некоторые и вправду такие. Но не все. Я знаю немало честных бродяг, которые работают своими руками и всё равно предпочитают жить на улице.

Как говорил один учёный человек — не помню уже его имени, — каждый способен измениться к лучшему, и не важно, десять тебе лет или уже седьмой десяток подходит к концу.

А эти полицейские... возможно, когда-то сами попали под дурное влияние. Или просто слишком устали за сегодняшний день. Пусть у них всё будет хорошо...»

С этими мыслями Джон отправился искать место, где его избитое тело могло бы хоть немного отдохнуть.

И вдруг он резко остановился.

Джон начал судорожно ощупывать карманы и тревожно всматриваться вдаль. Он никак не мог понять, куда исчез его подсигар — тот самый, подаренный молодым солдатом.

— Как жаль... — тихо произнёс он, и голос его дрогнул.

Ещё немного — и он бы заплакал от досады.

Странная вещь человеческая душа: порой человек не проронит ни слезинки во время страшных жизненных бурь, но способен расплакаться из-за, казалось бы, сущего пустяка.

Хотя для Джона подсигар с несколькими недокуренными сигаретами вовсе не был пустяком.

Впрочем, тому, кто никогда не курил, этого, наверное, не понять.

— Что тебе жаль, вонючий скунс?! — услышал он громкий и вместе с тем будто неуверенный голос.

«Да, неприятности всегда ходят вместе, словно закадычные друзья», — успел подумать Джон, как голос снова загремел:

— Тебе что, вонючая собака, два раза повторять нужно? Или твои ослиные уши так залепило грязью и помоями, что туда не то что слова — даже гром небесный не пробьётся через эту плотину?!

Джон давно не слышал столь изысканной брани в свой адрес. Удивление пересилило страх. Вместо того чтобы броситься бежать, он обернулся.

Перед ним стоял маленький тщедушный человечек. Ростом он был почти вдвое ниже Джона и совсем не походил на атлета. Трудно было понять, как в таком хилом теле помещается столько шума, злобы и гонора.

Вероятно, незнакомец пребывал в крайне дурном расположении духа: может быть, получил плохие новости или просто был пьян и раздражён. И тут, как назло, ему попался этот оборванец в грязных лохмотьях, от которого дурно пахло, да ещё и смеющийся рассуждать о сожалении.

«Что может быть ему жаль? — кипел незнакомец. — Разве такой человек способен понять настоящую беду?»

— У меня настоящее несчастье! — выкрикнул он. — Я потерял на бирже пятьдесят тысяч долларов! Конечно, для меня это не такие большие деньги — моему состоянию позавидует даже владелец банка, — но всё равно обидно! Так обидно, что хочется плакать! А тут ещё ты, бродяга, рассуждаешь о сожалении! Что может быть тебе жаль? Потерянный глоток виски из грязной бутылки?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Джон. — Простите меня. Я вовсе не хотел вас обидеть своими словами. Просто я потерял свой любимый портсигар, в котором хранил месячный запас окурков, собранных по всему парку.

— Да ты издеваешься надо мной! — вспыхнул незнакомец. — Твой портсигар не стоит и пяти центов, а ты смеешь говорить о потере! Я сегодня потерял пятьдесят тысяч долларов! Пятьдесят тысяч американских долларов! И я, заметь, не скулю, как ты, жалкое отребье!

Джон заметил, что его собеседник слегка пошатывается.

«Да ведь он пьян», — понял он.

Возможно, виски помогало богачу заглушить боль утраты. Хотя Джон тут же подумал, что потеря в пятьдесят тысяч долларов для такого человека, вероятно, вполне поправима.

— Ты слышишь меня? — снова крикнул богач.

— Да, сэр. И всё же осмелюсь заметить: Шопенгауэр однажды сказал:

«Спокойный и весёлый нрав, происходящий от хорошего здоровья и ясного ума, чистая совесть и умеренная воля — вот блага, которых не заменят никакие богатства».

А ещё он говорил:

«Богатство подобно солёной воде: чем больше её пьёшь, тем сильнее жажда».

То же самое относится и к славе, — зачем-то добавил Джон.

Лицо богача мгновенно налилось краской.

— Ах ты грязная свинья! — закричал он. — Как смеешь ты, оборванец в лохмотьях, цитировать Шопенгауэра мне — приличному человеку?!

Он затопал ногами и начал ругаться с таким вдохновением, словно внутри него внезапно прорвалась плотина накопленной злобы. Если бы сам Том — так звали богача — услышал себя со стороны, то, вероятно, удивился бы, сколько ядовитых, обидных и злых слов способен хранить человек в глубине своей души.

Слова Джона задели его необычайно сильно.

Он не помнил, когда ещё испытывал такую ярость. Разве что в далёкой молодости, когда заработал свой первый капитал и невероятно гордился этим.

Тогда один его бедный, но умный и прилежный товарищ сказал ему:

— Я рад, что ты стал ещё богаче. Но человеческая жизнь не зависит от богатства. Так говорит Библия, а ей, думаю, можно доверять.

Почему-то именно эти слова когда-то особенно больно задели Тома. Ему было невыносимо, что бедняк не восхищается им и не завидует ему, как остальные.

— Да что ты понимаешь в жизни, оборванец! — вновь закричал Том.

Он уже готов был броситься на Джона с кулаками, но Джон спокойно посмотрел ему прямо в глаза.

Совсем недавно он пробежал несколько миль, спасаясь от полицейских, и теперь был слишком измучен, чтобы снова бежать.

Он просто отдался воле случая — спокойно и безропотно, как человек, настолько уставший от борьбы, что говорит себе:

«Будь что будет».

Но вдруг Том почувствовал, что слова его далёкого однокашника и слова Джона, как ни крути, были правдой. Как бы горько ему ни было это признавать.

Том опустил глаза.

И, быть может, вы не поверите, но встреча одного из богатейших людей города с простым бродягой стала поворотным событием всей его жизни.

Позднее многие будут знать Тома как странного, чрезвычайно щедрого человека, помогающего бездомным, сиротам и всем, кто оказался в тяжёлых обстоятельствах.

Перед сном Джон помолился за двух полицейских, встретившихся ему в тот день, и, конечно же, за Тома, который неожиданно попросил у него прощения за свои оскорбления.

Для Джона это было почти чудом.

А ведь именно в такие чудеса он никогда не переставал верить, несмотря на то, что жизнь всё реже давала человеку возможность увидеть искреннее раскаяние.

День подходил к концу.

Пока ещё было тепло, но Джон уже чувствовал приближение осени. Скоро «бабье лето» закончится, и на улицы придут долгие холодные дни. Придётся искать заброшенные дома, подвалы или старые сараи, где можно будет хоть немного согреться у маленького костра.

С этими тяжёлыми мыслями он уснул на новой лавочке, укрывшись воображаемым одеялом и ощущая медленное приближение зимы.

Первые лучи солнца вырвали Джона из прекрасного сна и вновь вернули в жестокую действительность.

Постепенно к нему приходило осознание собственного положения.

Он был не политиком, не знаменитым писателем, не учёным, не банкиром и даже не простым ремесленником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.